

**Пусть Сорокопут
примет вас
в свою семью**

Песнь Сорокопута

Фрэнсис Кель

ПЕСНЬ СОРОКОПУТА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К34

Иллюстрация на переплете *Дарьи Дмитриевой (Markass)*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Кристины Деминой*

К34 **Кель, Фрэнсис.** Песнь Сорокопута / Фрэнсис Кель. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-160575-9

Отец учил Готье тому, что каждый должен знать свое место в этом мире:

чистокровные правят, полукровки работают, низшие разрушают.

Джером с детства уяснил только одну истину:

чистокровные празднуют, полукровки прислуживают, низшие страдают.

Их миры могли бы никогда не столкнуться, если бы не Скэриэл.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160575-9

© Кель Ф., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

Я кричал, тянулся к нему, но не мог приблизиться ни на дюйм.

На запястьях наручники; я прикован к ржавой трубе, по которой ползают мокрицы. Очертания подвала едва различимы в свете тусклой лампочки. Она часто мигает — вот-вот потухнет, оставив нас троих в темноте.

Джером прикован к трубе напротив меня, но он не кричал, не вырывался, словно уже смирился с неизбежным. На его лице безграничное отчаяние: брови надломлены, рот испуганно приоткрыт. Он немигающим взглядом смотрел на Скэриэла, как будто боялся, что если моргнёт — тот исчезнет.

— Скэриэл! Пожалуйста! — испуганно крикнул я ему и затем обратился к металлической двери: — Пожалуйста, кто-нибудь! Он умирает! Помогите!

Скэриэл лежал между нами с ножом в груди. Кровь медленно окрашивала грязный пол. В тусклом свете она сделалась практически чёрной. Или мне это только казалось.

— Пожалуйста... — промолвил я куда-то в сторону. — Спасите его...

Слёзы заливали глаза. Запястья саднило там, где серебристый металл натирал кожу.

Я вновь посмотрел на Скэриэла. Он не двигался, не издавал ни звука. Чёрная рукоять ножа торчала из тела. Его руки были скованы наручниками за спиной. Он лежал как тряпичная кукла посреди грязного подвала. Я не видел его лица, спрятанного под тёмными волосами. Мне так хотелось дотянуться до него, заправить прядь за ухо — его любимый жест.

— Всё кончено, — вдруг тихо произнёс Джером и впервые за всё время нашего пребывания в подвале поднял на меня сочувствующий взгляд. — Это конец.

I

— Господин Готье.

Я обернулся и увидел нашу новую горничную. Девушка-полукровка, на вид не старше семнадцати лет — кажется, её звали Лора, — стояла в дверях гостиной, опустив взгляд и сцепив руки в замок. Мимходом я отметил, что она чудесно выглядит в чёрном форменном платье до колен и белом переднике. Было заметно, что Лора нервничала — кажется, сегодня она впервые обратилась ко мне по имени, хотя жила в нашем доме уже около месяца. Небольшой срок, но комната в домике для прислуги ей досталась хорошая, ведь она приходилась племянницей Сильвии, нашей домоправительнице.

— Господин Уильям просит вас в свой кабинет.

Я ничего не ответил. Она кивнула, словно я что-то ей поручил, и тихо ушла, так и не подняв на меня взгляда.

Прежде я не интересовался, кто занимается покупками, оформляет гостиную к праздникам, — принимал как должное, что три этажа нашего дома и участок

всегда в идеальном порядке, мои рубашки отглажены и висят в шкафу, дожидаясь своего часа, а в любое время дня и ночи я могу получить свежее испечённый хлеб, горячий суп или говядину на гриле. И только недавно осознал, что вещи не самостоятельно возвращались на свои места после того, как Габриэлла, моя сестрёнка, раскидывала их во время игр; когда старший брат Гедеон в порыве гнева разносил половину дома (что случалось в последнее время довольно часто, особенно когда отцу приходилось надолго уезжать), спустя пару часов не по мановению волшебной палочки комнаты вновь обретали обычный вид. Лишь поведение непривычно тихой прислуги указывало на то, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Я слышал шёпот тут и там, но стоило мне войти в комнату, как они сразу замолкали и выглядели так, словно их поймали на продаже семейного фарфора.

Помню, как-то, когда мне было лет десять, из-за кошмара я проснулся рано утром. Пролежал полчаса и, не сумев уснуть, спустился вниз, чтобы выпить стакан воды, но на кухне внезапно столкнулся с Кэтрин и Фанни: сонные, они на автомате месили тесто для утреннего хлеба. Меня это удивило. Почему они не спят? Зачем готовят в такую рань? Мне довелось увидеть изнанку наших будней.

С тех пор я старался всегда наводить порядок в своей комнате, следить за чистотой, напоминать восьмилетней Габриэлле, чтобы она убирала за собой игрушки. А их, клянусь богом, было так много, словно мы целыми днями только и делали, что как безумные скупали содержимое магазинов игрушек. Детский хлам валялся и тут, и там. Все эти бесконечные куклы

с их одеждой и домиками, плюшевые медведи, рассыпанные по углам пазлы, которые Габриэлла если и собрала бы в цельную картину, то только к старости. Но самое кошмарное — маленькие и острые детали от «Лего». С виду мягкий, светлый ковёр в комнате сестры больше походил на заминированное поле. Я бы не решился туда зайти ни за какие деньги. А вот Скэриэлу, моему лучшему другу, нравились игрушки Габриэллы: он с удовольствием пил с ней чай из детского сервиза в окружении мягких зайцев и слонов, что бывало, к счастью, нечасто. Иногда она, наслушавшись отца, с детской непосредственностью обрушивалась на Скэриэла град вопросов:

— Скэриэл, а вы полукровка? Как Сильвия и Лора? Мой папа говорит, что в Октавии у полукровок никогда не было таких же прав, как у чистокровных. Все полукровки должны работать на чистокровных. А вы тоже работаете? Вы были на Запретных землях? Это очень плохое место.

Но если успокоить Габриэлла мне под силу, то остановить разгневанного Гедеона я не мог и не пытался. Во мне ещё говорил инстинкт самосохранения. Гедеон старше меня на четыре года, но судя по нашим отношениям — на все сорок. Всегда сдержанный и тактичный, брат был подобен вулкану, копившему недовольство долгие годы, а затем извергавшемуся мощно, опасно, неудержимо, так, что лучше сразу поднять белый флаг и капитулировать. Мне всегда было стыдно за его порывы уничтожить всё вокруг всякий раз, когда он не справлялся со своим гневом. Не знаю, что чувствовал брат, но после своих выходов он не покидал комнату несколько дней. А потом сно-

ва появлялся всеми уважаемый и порядочный Гедеон Хитклиф собственной персоной. И так до следующего срыва.

Сильвия вставала ни свет ни заря и руководила всеми слугами, отвечающими за работу по дому: несколько женщин были ответственны за уборку, Кэтрин и Фанни — за кухню. Новенькая Лора выполняла простые поручения, училась всему — возможно, в будущем, лет через двадцать, она займёт место своей тёти.

Моего водителя Кевина можно было назвать везунчиком. Он отвозил меня в лицей утром и забирал после обеда. Больше я никуда на машине не выезжал. Мне всегда было интересно, чем занимается Кевин в свободное время, но, хоть он возил меня вот уже который год, мы так ни разу нормально не поговорили. Я знал, что он общительный человек, потому что, бывало, слышал его задорный голос во дворе. Он частенько любил поболтать с остальным персоналом. Но я никогда не задавал вопросов, а он никогда не начинал разговор первым. Так и ездили каждый день в гробовой тишине.

Я отложил в сторону книгу, которую читал. Если быть честным, то последние десять минут рассеянно водил глазами по тексту. Отвлёкшись на свои мысли, я упустил нить повествования задолго до появления Лоры. Обычно я всё время проводил в своей комнате: читал книги, играл в приставку, доставшуюся путём долгих и упорных переговоров с отцом, и делал домашнее задание. Бывало, я с головой уходил в придуманный мир, переживал за персонажей игр, книг или фильмов, забывал о семье, да что уж там, забы-

вал о том, что организму банально необходимо есть и спать, но, к счастью или нет, позволить себе такое я мог только на каникулах.

Отец нечасто приглашал меня в свой кабинет, и я готовился к худшему. Он мог опять начать разговор про Скэриэла. Я любил отца и был уверен, что он отвечает мне тем же, вот только он был против проявлений каких-либо чувств, пусть даже и отцовских. Не было никаких разговоров по душам (возможно, это и к лучшему; как только я представляю себе столь конфузную ситуацию — хочется аж на стену лезть), не было совместных походов в кино, в кафе, на стадион, чтобы поболеть за любимую команду — ничего такого мой отец не проделывал. Мы никогда не обсуждали что-либо дольше десяти минут.

Кабинет отца находился на третьем этаже и представлял собой личную библиотеку с широким письменным столом в центре. Я постучал в дверь и вошёл. Отец, высокий, статный мужчина с полностью седыми волосами, был занят документами. Выглядело всё так, будто я без приглашения ворвался к нему в разгар рабочего дня.

— Вы хотели меня видеть?

— Присядь, — кивнул он.

Я чувствовал, что разговор выйдет тяжёлым.

— Как твои дела в лицее? — не отрываясь от очередного документа, спросил отец.

Прекрасно — разве по моему табелю, который ты сейчас рассматриваешь, не видно? Я молчал. Не знал, что ответить на, казалось бы, такой простой вопрос. Он получал лист с моими оценками в конце каждой недели. Преподаватели докладывали ему обо

всех моих успехах и неудачах раньше, чем я возвращался домой. Иногда мне казалось, что я поступил в этот лицей, потому что у отца там повсюду глаза и уши.

Об этом я много думал в первые годы обучения. Всё время хотелось выкинуть какой-нибудь шокирующий номер, не прямо чтобы довести отца до инфаркта, но показать, что я тоже могу выйти из-под его контроля, однако все мои гениальные планы лопались, как воздушный шарик. В голове я прокручивал тысячи проделок, хотелось устроить что-то, чтобы доказать себе, что я могу пойти наперекор воле отца, послушаться брата, открыто высказать своё мнение преподавателям, вступить в полемику с одноклассниками — много чего могу. Ведь я был в том возрасте, когда казалось, что море по колено.

— В следующем году ты поступаешь в академию, готовься усерднее.

Я кивнул. Кажется, мои опасения не подтвердились и разговор обещал выйти лёгким, по крайней мере, сейчас отец выдавал прописные истины. Он отложил табель в сторону и посмотрел на меня. К этому оценивающему взгляду я привык. Меня бы больше выбило из колеи, возьми он меня за руку и произнеси что-то по-отцовски трогательное, ну, знаете, что-то в стиле: «Сынок, видел твои оценки, ай да молодец, весь в меня», — вытирая при этом скупую слезу. Я бы рухнул в обморок.

Я сидел ровно, как меня учили. Осанка, взгляд обращён на собеседника, спокойствие, сосредоточенность, ровный голос, еле заметная улыбка, руки раскрыты — не зажимайся, Готье.

— Ты помнишь про наставников? Тебе нужно будет выбрать наставника из старшекурсников.

Да, наставники. Как я мог забыть, мне ведь напоминали об этом... хм, как минимум двадцать раз в неделю. Постоянно вылетает из головы!

В следующем году, когда я стану первокурсником Академии Святых и Великих, ко мне приставят наставника, который будет отвечать за меня. Симбиоз юных и зрелых умов. Опыт против неискущённости. Так было написано в буклете. На деле всё выглядело прозаично до слёз. Старшекурсник поможет мне с адаптацией, поделится советами по поводу обучения в Академии. Благодаря этому я успешно сдам теорию с практикой, и в результате старшекурсник получит баллы за мои старания. И мы с ним, держась за ручку, прыгаем по зелёному лугу, залиvisto смеясь, а радуга переливается над нашими головами.

Меня передёрнуло.

— Не хочешь наставника? — усмехнулся отец. — Ты можешь попросить Оскара.

Оскар Вотермил. Старший сын папиного лучшего друга. Мистер Вотермил владеет сетью фабрик по производству элитного алкоголя. Король крепких напитков. Мистер десятибалльное похмелье. В детстве Оскар с Гедеоном дружили, но после непонятной ссоры Гедеоном разговаривает с ним сквозь зубы. Каждый раз, когда Оскар бывал у нас в гостях по случаю очередного официального банкета, Гедеоном обращался с ним как с заклятым врагом. Клянусь, мне каждый раз казалось, что вот-вот произойдёт извержение вулкана в лице моего старшего брата и среди первых погибших будет числиться Оскар Вотермил.

Я думал, что Оскар может стать моим наставником, только если я окончательно рехнусь и захочу сжечь все хрупкие мосты братских чувств между собой и Гедеоном. Если придёт тот день, когда я и Оскар будем заливисто смеяться и бегать по лугу под ручку, то он станет последним в наших жизнях. Не удивлюсь, если Гедеон пристрелит нас обоих. Двух зайцев разом. Вот удача, да?

— Я подумаю над этим, — выдавил я после того, как понял, что нужно хоть что-то ответить.

Отец взялся за новую стопку документов и продолжил:

— Или ты можешь попросить брата стать твоим наставником, он как раз будет на последнем курсе. Это оптимальный вариант для вас обоих. Гедеону тоже нужно выбрать первокурсника.

Проще сразу броситься под горячую руку Гедеона, когда он не в духе, чем весь следующий учебный год жить как на пороховой бочке. Взорвётся сейчас или через секунду? Успею ли я выпить стакан сока, или он запустит в меня своей чашкой раньше? Не помню, когда в последний раз мы с ним полноценно разговаривали. Я мог бы драматично заметить, что забыл, как звучит его голос, но по утрам слышал это сдержанное: «Доброе утро, отец. Вы видели сегодняшние финансовые сводки?» Он учтиво обращался к другим в доме: «Габриэлла, будь так любезна, допей сок», «Сильвия, не приготовите ли вы нам на ужин своё коронное блюдо? Да, то самое, запечённого гуся». При этом избегал меня, будто любое взаимодействие между нами могло привести к ужасающим последствиям.

— Я подумаю.

— Хорошо, — кивнул отец. — Ступай.

Это всё? Неужели он отпустил меня так просто? Наверное, на моём лице отразился весь спектр положительных эмоций, а это редкость. Я так подскочил, что сам себя одёрнул. Когда выходил из кабинета, отец окликнул меня. Прикусив язык, я изобразил ангельское смирение и повернулся к нему.

— Где ты был ночью? Сильвия говорит, что видела кого-то во дворе под твоими окнами, — настойчиво произнёс он, при этом не отвлекаясь от документов.

Почему трудолюбивая и зоркая Сильвия не спит по ночам? Ей вставать рано, а годы-то уже не те. И, кажется, кое-кому, кто слишком шумел, пока добирался до моих окон, стоило оторвать ноги.

— Я спал, отец. — Отчасти это была правда: я спал, пока Скэриэл Лоу не появился среди ночи.

— К тебе по ночам ведь не навевается тот дружок-полукровка? Будь ты девушкой, я бы уже переживал, не принесёшь ли ты мне бастарда в подоле.

«Дружок» — как противно звучало это слово. Я изобразил оскорблённую невинность. Как он мог такое обо мне подумать?! Будь я девушкой, не подпустил бы Скэриэла и на пушечный выстрел. Но волнения отца можно понять. Скэр производил впечатление, мягко говоря, сомнительной личности. А если начистоту, то, как сказала Кэтрин, одна из наших кухарок, когда я случайно подслушал её разговор с Лорой: «Тот парень из семьи Лоу выглядит так, словно пришёл обчистить дом и насрать под дверь».

Весь разговор по душам с отцом занял от силы пять минут, и я бы даже сказал, что вышел он достаточно многословным. Бывали дни, когда за всю бесе-